

Книги Григория Шаргородского
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**УБИВЕЦ МАГОВ. КАЛИБР 9 ММ
УБИВЕЦ МАГОВ. ВОЙНА НЕЛЮДЕЙ**

**ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ
ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ДИВЕРСАНТ
ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ДЕМОНОЛОГ**

**УКРОТИТЕЛЬ. ПОВОДЫРЬ ЧУДОВИЩ
УКРОТИТЕЛЬ. ЗАЩИТНИК МОНСТРОВ
УКРОТИТЕЛЬ. ИСТРЕБИТЕЛЬ ТВАРЕЙ**

**ЧУДАК. НЕПРАВИЛЬНЫЙ ВОР
ЧУДАК. ИСКАТЕЛЬ НЕПРИЯТНОСТЕЙ**

ДИКИЙ ЛЕГИОН

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ГРИГОРИЙ ШАРГОРОДСКИЙ

ДИКИЙ ЛЕГИОН

РОМАН

Москва, 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш25

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1076

Художник
С. А. Григорьев

Шаргородский Г. К.

Ш25 Дикий легион: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2521-1

Корпоративный психолог живет в удобном и безопасном мире. Он улавливает едва заметные изменения в психике офисного планктона и гасит межличностные конфликты на рабочем месте. Илья Смирнов считает свою работу тонкой, вдумчивой и не терпящей суеты. Он еще не знает, что очень скоро ему предстоит использовать весь свой опыт, чтобы грубо, как дубиной, ломать племенные устои и предрассудки зеленокожих дикарей. Придется превращать гнома, никогда не поднимавшего ничего тяжелее книги, в боевого товарища. И все это для того, чтобы создать Дикий легион — силу, которая поможет попаданцу выжить в чужом мире.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Шаргородский Г. К., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2521-1

Часть первая

ДИКИЕ

ГЛАВА 1

Звезды мягко светились, даже не пытаюсь рассеять мглу под собой. Они просто наблюдали сверху без малейших эмоций. А каждый, кто смотрел на них снизу, видел в далеком сиянии что-то свое. Несчастный влюбленный читал в этих искорках грусть, романтик подмечал там возвышенную радость, а такие, как я, — только равнодушие к мелким людским страстям.

— Проклятье, — в который раз за этот день сквозь зубы процедил я.

Ноги сами вынесли меня к мосту. Перегнувшись через перила, я, как назло, опять увидел отражение все тех же звезд.

Настроение было отвратным.

Этот день я запомню надолго. Конечно, в жизни у меня хватало неприятностей, но чтобы на коротком отрезке в двенадцать часов сошлось столько мерзких сюрпризов, такого еще не было. Прямо с утра директор фирмы, в которой я трудился психологом и специалистом по коррекции рабочей атмосферы, заявил, что во время кризиса работники, приносящие мнимую пользу, ему не нужны. Он совсем забыл, как до моего прихода народ в офисе только тем и занимался, что строил козни друг другу. Впрочем, аура мира и благополучия достигается долго и кропотливо, но, увы, при этом ее нельзя ни пощупать, ни продать.

Мой уход сопровождался кривыми ухмылками большинства коллег, которые, как и директор, считали, что я получал деньги за «фокусы». И только один человечек подошел ко мне и молча ткнулся головой в плечо. Маленькое темноволосое солнышко. С моей подачи вот уже полгода эта девушка одним своим присутствием гасила большинство конфликтов в коллективе. Конечно, платить ей только за это никто не собирался, но, инстинктивно чувствуя пользу, директор взял Яну на дол-

жность офис-менеджера. И вот теперь я ухожу, а она остается, и это хоть как-то сглаживало мое разочарование.

— Удачи вам, Илья, — тихо прошептала девушка.

— Не унывай, — улыбнулся я. — Тебе это не идет.

— Мы еще увидимся?

— Конечно, солнышко, — кивнул я и быстро вышел из офиса.

Это была невинная ложь — нас ничего не объединяло за рамками работы. Разный возраст и отсутствие иного притяжения, кроме обычной симпатии друг к другу, не могут связать двух людей в стремительном течении современной жизни.

Ситуацию нужно было обдумать и хотя бы вчерне определиться с дальнейшими планами. Увы, пока в голову лезли лишь философские мысли. Так что, закончив блуждать по городу, я направился домой. Такси быстро доставило меня до недавно купленной квартиры — места, где можно отдохнуть душой в обстановке домашнего уюта... по крайней мере, мне так казалось. Увы, уют там уже не было, а моя Таня занималась сбором вещей. Второй удар судьбы оказался даже неприятнее первого.

— Что ты делаешь? — спросил я, уже зная ответ.

— Мне надоело так жить... — тут же завелась моя теперь уже бывшая невеста.

Да уж, сапожник без сапог — по-другому не скажешь. Педагогическое образование, психологические курсы и наработанные профессиональные навыки оказались бессильны перед наваждением, которые многие называют любовью. Мне удалось, словно тараканов, вывести в офисе всех демотиваторов, манипуляторов и откровенных социопатов, и при этом я не сумел распознать в своей невесте неуравновешенную и меркантильную особу.

Часть экспрессивного монолога Тани я пропустил мимо ушей и оборвал его прямым вопросом:

— Позвонили с работы? Кто постарался? Юрик?

— Да как ты смеешь?! — задохнулась от «праведного», как ей самой хотелось верить, гнева Таня и попыталась вlepить мне пощечину.

Нет, так дело не пойдет. В этом деле я за равноправие — сам никогда не ударю женщину, но и ей этого не позволю, тем более без серьезного повода.

Маленькая ладошка была перехвачена на полпути к моему лицу и завернута за спину Тани. В моей груди словно разорвалась ледяная бомба:

— У тебя десять минут, потом я выкину твои вещи с балкона.

В этот момент мною руководили деструктивные эмоции, но гасить их не было ни сил, ни желания.

Единственный шанс успокоиться могла дать только любимая игрушка. «Легионы», словно чувствуя мое состояние, загрузились очень быстро. Третий мезийский легион встретил меня ровными рядами бойцов, готовыми выполнить любой приказ. Один из полусотни лучших в сетевой игре с тремя десятками тысяч пользователей, он был моей гордостью. Для того чтобы добиться этого, пришлось не только проводить много времени в игре, но и плотно заняться военной историей Древнего Рима. Тиски злобы постепенно начали разжиматься, но мне следовало догадаться, что просто так Таня не уйдет.

— Какой же ты урод и неудачник, Смирный, — прошипела она от порога.

Я сделал вид, что не услышал ее, не желая усложнять ситуацию, хотя от своего прозвища из ее уст меня покорило. Так меня называли только старые друзья.

Правду говорят знающие люди, любовь — это серьезная болезнь мозга. Все мои познания в человеческой психологии в моменты общения с Таней отключались напрочь. Мне следовало помнить, что экспрессия этой девушки способна на многое.

За спиной послышался треск, и комп выкинуло из Сети.

Я резко развернулся и увидел, как моя бывшая невеста со злорадным видом держит в руках вырванный «с мясом» сетевой кабель.

Холод в груди еще раз взорвался и теперь уже ударил в голову. Никогда не видел себя со стороны в таком состоянии — просто не находилось под рукой зеркала, — но знакомые говорят, что в бешенстве у меня сильно светлеют глаза, превращаясь из серых в белесые.

Таня побледнела, вцепившись в чемоданы. Она прекрасно знала, что ударить ее, чтобы причинить боль, я не смогу, а вот насчет убийства полной уверенности у нее, похоже, не было.

Моя бывшая невеста, которая, к счастью, не стала женой, дематериализовалась из квартиры, казалось, даже не открывая двери, а мне оставалось лишь сжимать кулаки и скрипеть зубами. Именно такие приступы ярости заставили меня в свое время отказаться от карьеры педагога и серьезно заняться психологией. И должен сказать, это помогло, иначе сейчас я бы уже разбивал кулаки об стену и заходился в яростном вопле.

На город легли вечерние сумерки, поэтому надеяться на помощь ремонтников не приходилось. Что ж, будем успокаиваться старым как мир способом — прогулкой под открытым небом.

Ночь приняла меня в свои объятия, сглаживая острые углы мыслей и остужая разгоряченную голову. В пяти минутах ходьбы от моей квартиры находился парк, который пересекала медленно текущая речка. Мне вдруг захотелось оказаться именно там, чтобы увидеть нечто фундаментальное и неспешное. Захотелось побыть рядом со спокойной гладью и уравновесить бурление собственных чувств.

Никогда не считал себя хоть сколь-нибудь склонным к романтике и драмам, но уход Тани словно вырвал что-то из души. Любил ли я ее? Возможно, уже нет, но то, как легко она отказалась от меня, словно расколело какую-то основу под ногами. В груди поселился холод, но не от намерзшего льда ярости, а от пустоты, заполнить которую было нечем.

То, что «веселый» день еще не закончился, я понял, когда увидел компанию из четырех человек, оккупировавшую парковую лавочку. Бережно лелеемый в мятежной душе росток здравого смысла тут же посоветовал свернуть на другую дорожку, но ничтожная и при этом очень сильная скандинавская часть моей крови тут же возмутилась.

В очередной раз убеждаюсь, что, перефразируя Булгакова, моя прапрабабушка явно согрешила с берсеркером. Так что ноги едва ли не сами понесли меня вперед с достойной инога применения решительностью.

— Э, дядя, — вполне прогнозируемо активизировались гопники, — ты чего это бродишь ночами по чужой территории?

Заводила знал заковыристые словечки, впрочем, даже его относительная начитанность не возбудила во мне желания пообщаться, поэтому я молча попытался пройти мимо скамейки.

— Ты чё, в уши долбишься? — тут же вступил в диспут менее образованный член гоп-компании и попытался ухватить меня за ворот куртки.

Все, финиш, мое терпение закончилось. Совсем закончилось. Резкий разворот не дал гопнику плотнее ухватиться за мою куртку, а последовавший за этим удар в лицо вообще отбросил его назад. В дружном реве компании можно было легко различить целый коктейль чувств: удивление, злобу и кровавую радость.

Описывать бой не буду, потому что пелена ярости не позволила запомнить детали, да и боя как такового не было — в ответ на каждый мой удар я получал десять. Никогда не занимался ни боксом, ни восточными единоборствами, а опыт драк ограничивался двумя стычками, в которых мои противники неожиданно получали серьезные травмы. Именно нежелание однажды оказаться за решеткой и сделало меня пацифистом.

И все же состояние берсеркера, в которое я впал с пугающей легкостью, впечатлило гопников, и они отступили.

— Да ладно, харе, пацаны, чувак совсем без тормозов, — подал повод к отступлению «интеллигент», что было благосклонно воспринято его товарищами.

Гопники оставили поле боя за мной, так как я двигаться к этому моменту уже не мог, да и вообще на ногах стоял с трудом. Беглая ревизия тела показала, что не хватает как минимум двух зубов, к тому же явно сломано ребро.

Плохо — стоматолог проделает в моем теперь уже картонном бюджете изрядную дыру.

До реки я все же дошел, но не для философского созерцания водной глади, а просто желая умыться.

Легкий ветерок взъерошил поверхность воды, и отражение звезд под мостом словно задорно подмигнуло мне. После драки все тело болело, но, несмотря на это, в душу возвращалась умиротворенность. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что «веселый» день еще не закончился и следует ждать очередной пакости, но я небрежно отмахнулся. И напрасно...

— Что это вы задумали, молодой человек? — послышался за спиной мягкий и даже интеллигентный голос.

— Ничего, — не поворачиваясь, ответил я, но не из неуважения к незнакомцу, просто не хотелось подставлять под свет взшедшей луны избитое лицо.

— Самоубийство, конечно, очень плохая идея, но, если вы уже приняли решение, у меня есть вариант получше, чем это вонючее болото, — с резко прорезавшейся жесткостью заявил тот же голос.

— Что? — удивился я и попытался развернуться, но мне не дали.

В шею словно ужалила змея. Послышался треск, а мое тело скрутила судорога.

Похоже, это электрошокер. Единственная за день здравая мысль оказалась последней.

Очнулся я в темной комнате, мрак которой робко разгонял лишь слабый свет парочки свечей. И все же этого было достаточно, чтобы узнать обстановку обычной, хоть и меблированной в старинном стиле квартиры. Беглый осмотр показал, что я оказался в руках какого-то демонопоклонника, который вырядился в черный балахон и что-то бубнил себе под нос. Увы, созерцание обстановки — это все, на что я был способен, будучи скрученным по рукам и ногам крепкими веревками.

Продолжая нести какую-то ахинею, незнакомец подошел ближе, но я так и не увидел его лица, скрытого под глубоким капюшоном. Правда, сейчас меня интересовало не лицо, а руки — в одной демонопоклонник держал раскрытую книгу, а в другой — пугающего вида кинжал. Если судить по нарисованному на моей обнаженной груди кругу, намечалась встреча этого кинжала с моим сердцем.

Голос палача достиг наивысшей точки и вдруг сбился. Похоже, он сам не ожидал того, что последовало дальше. Рядом с «приютившим» меня столом находилась тумбочка со странной статуэткой в виде чудовища с многочисленными щупальцами. Удивление демонопоклонника было вызвано тем, что это извятие вдруг засияло, заливая комнату красноватым светом.

Психопат обрадованно вскрикнул и перевел взгляд на меня. И в этот момент фортуна наконец-то осчастливила мою персону мимолетным взглядом. Пока демонопоклонник удивлялся, я непроизвольно согнул ноги и почувствовал, что ремень, прижимающий мои связанные колени к столу, лопнул.

Извиваясь, как червяк под лопатой, я сумел поднять все еще связанные ноги и пнуть ими комод со статуэткой

Демонопоклонник испуганно вскрикнул, а дальше события понеслись вскачь. Статуэтка опасно закачалась на узкой ножке и, замерев в неустойчивом положении, свалилась на пол. Из того места, где она должна была приземлиться, ударила зигзагообразная молния, и прилетела она прямо в зловещий кинжал. Дикий крик демонопоклонника прозвучал для меня волшебной музыкой, а его обугливающееся тело стало усладой для глаз. Увы, это было последнее, что я увидел, потому что через секунду все в комнате затопило алым светом, и мое сознание погасло.

Просыпался я очень тяжело. Казалось, что причиной этого стало похмелье после длительного запоя. У меня в жизни был только один двухдневный загул, и это стало точкой отсчета для сравнения.

В нос ударила дикая вонь, и меня вырвало. Стало немного легче, к тому же удалось заметить, что мое тело больше не удерживают веревки.

Сквозь шум в голове начали пробиваться какие-то звуки, в которых угадывалась осмысленная речь. Причем язык был точно не русским, но мне почему-то было прекрасно понятно, о чем говорит незнакомец:

— Эй, ты что, живой? Да отвечай же, камень тебе на голову!

Еще не хватало, чтобы меня начали тормозить! Но этого не последовало, хотя голос не унимался. Причем незнакомец говорил с непонятным мне остервенением:

— Да очнись же ты, у нас очень мало времени!

Почему мало и что значит — у нас?

И все же экспрессия, с которой говорил незнакомец, заставила меня открыть глаза.

М-да. Здравствуй, шиза, Новый год.

Это точно не квартира демонопоклонника, да и не квартира вообще. Я находился в помещении, где все было сделано из дерева — стены, потолок и пол, который, судя по легкой качке, вполне можно было назвать палубой. Я валялся в закутке, который был отгорожен от основной части трюма решеткой. На теле не имелось никаких пуг, что не могло не радовать.

А вот моему непрошеному собеседнику повезло намного меньше — кто-то поместил его в самые настоящие колодки. К полу был вертикально приделан массивный щит, к которому крепилась верхняя доска. В конструкции были выдолблены три дырки — одна побольше, для головы, и две поменьше, для рук. Удерживали колодки между собой специальное крепление и замок. Из конструкции где-то на уровне пояса взрослого человека торчал ворох волос, а уже из этой кудели выглядывали ключие глаза и большой мясистый нос. Мой собеседник зарос до неприличия — особенно впечатляла спускающаяся практически до пола борода, которая почему-то была вся в подпалинах.

Впрочем, странный сосед и не менее странная обстановка не являлись моей самой большой проблемой. Хватало и своих забот. Из одежды на мне можно сказать ничего не было. Ну нельзя же назвать приличным костюмом набедренную повязку? Мало того, создавалось впечатление, что и тело-то не мое. Эта мысль мелькнула в голове, вызвав волну паники, но сработала естественная психологическая защита, выдвинув целую кучу

контрдроводов, начиная с того, что все это сон, и заканчивая предположением о временном умопомешательстве.

— Не тупи, каменноголовый, — прорычал закованный бородач. — Сейчас вернется охранник, и мы потеряем даже этот маленький подарок Добора.

Конечно, хотелось спросить, кто такой Добор, но меня по-прежнему мучил вопрос с языковыми странностями. По идее выдаваемый незнакомцем набор слов не должен нести для меня ни малейшей информации. Особенно если учитывать, что, кроме русского, я знал только его матерную разновидность. Но тогда почему мне все понятно?

— А?

— Нет, это не Добор, это Шагро подсунил мне такого тупого человека, видно, чтобы повеселиться, — вздохнул бородач, тут же растеряв весь свой энтузиазм.

А ведь он прав. Глобальные вопросы могут и подождать. Судя по реакции бородача, мы оба находимся глубоко в пятой точке мира, и моя растерянность может нивелировать шанс найти выход из не самой приятной ситуации.

Я попытался сесть и с радостью осознал, что могу нормально двигаться, хотя некая слабость в теле все же присутствовала.

В голове длинным списком программного кода замелькали дополнительные вопросы, но важен сейчас был только один, и я тут же его озвучил.

— Что делать? — спросил я у незнакомца.

Говорить было тяжелее, чем просто воспринимать чужой язык. Я по-прежнему думал по-русски, и все же нужные слова возникали в голове, словно по мановению волшебной палочки. А речевой аппарат практически без проблем выдавал чуждые звуки.

— Хвала Добору! — прохрипел бородач. — Сейчас сюда придет надсмотрщик и зайдет к нам. Они думают, что ты стал бездушным мясом, потому не заковали, так что притворись трупом, а когда он займется мной, убей...

— Что значит — убей? — возмутился во мне законопослушный гражданин.

— А то и значит! — яростно зашипел мой собеседник. — Они хотели принести тебя в жертву своему богу, но что-то пошло не так, и, лишившись души, ты не умер. Так что теперь везут своим жрецам, чтобы разобраться. Ты уверен, что хочешь близко познакомиться с жрецами Хра?

Понятие не имею, кто такой Хра, и, если честно, хотелось бы оставаться в полном неведении и дальше. Но убивать одного незнакомца, опираясь на доводы и убеждения другого...

К счастью для моего собеседника, дальнейшие вопросы прервали стук люка и скрип ведущей в трюм лестницы. Повинуясь приказу бородача, я откинулся на спину и сделал вид, что нахожусь в глубоком нокауте.

Через десять ударов сердца донесся мерзкий хохоток, и звякнули ключи.

— Ну что, не соскучился еще?

Обладатель неприятного голоса протопал мимо меня, а затем послышался звук удара. Этот звук мне довелось слышать совсем недавно — так кулак встречается с лицом.

Я не выдержал и открыл глаза. Спиной ко мне стоял какой-то толстяк в откровенно средневековом прикиде — кожаная, грубо сшитая одежда придерживалась на объемной талии широким поясом. Тюремщик еще раз размахнулся и врезал пухлым кулаком по торчащей из колодок голове. В ответ бородач только невнятно промычал. Явно не удовлетворенный эффектом, тюремщик достал из поясного кошелья некий предмет и, шелкнув крышкой, зажег небольшой огонек.

Не такое уж здесь Средневековье, если додумались до зажигалок, причем, судя по звуку, в пьезоварианте. Загнанная вместе с паникой надежда завопила, что не все потеряно и мы хоть и глубоко в пятой точке, но все же нашего мира, а ощущение чужого тела — просто игра фантазии.

Но тешить себя иллюзиями было явно не ко времени. Увидев крохотный огонек, бородач забился в колодках, словно это было раскаленное железо. Как ни странно, толстяк не стал жечь плоть пленника, а лишь подпалил его бороду.

Так вот почему растительность на лице моего товарища по несчастью в таком плачевном состоянии...

Тюремщик мерзко захохотал, видя, как дергается забитый в колодки бедолага.

Нужно что-то делать, и очень быстро. Бороды осталось не так уж много, а затем тюремщик либо перейдет к телесным развлечениям, либо выйдет из клетки, что намного хуже.

Как там говорили самураи? Если не знаешь, что делать, делай шаг вперед. Что ж, не самый глупый совет. Хотя не уверен, что нападение со спины можно как-то впихнуть в философию бусидо.

Не позволяя сомнениям окончательно завладеть мною, я вскочил с пола и запрыгнул на спину тюремщику, на поверку оказавшемуся не таким уж маленьким, и попытался провести удушающий прием. Это все, что пришло мне в голову, — бить его было нечем, а на кулаки надежды мало. Если честно, этот прием был почерпнут мной из фильмов, но, как ни странно, он удался.

Толстяк оказался не только высоким, но и сильным. Он попытался оторвать мою руку, захлестнувшую его шею, но она уже была зафиксирована пальцами другой руки в надежный замок. Судя по всему, мне удалось не только перекрыть ему доступ к воздуху, лишив возможности кричать, но и пережать сонную артерию.

Тюремщик дважды двинул меня кулаком по голове и один раз приложил спиной об решетку, но я цеплялся за его шею как за собственную жизнь, что в принципе так и было.

Наконец-то толстяк упал на спину, привалив меня своей массивной тушей. Его движения, потеряв всякую осмысленность, наполнились паникой.

Это страшное ощущение, когда в твоих руках умирает живое существо. Несмотря на мои приступы ярости, мне еще не доводилось убивать. Даже предложение бабушки зарезать петуха вызвало резкое отторжение. Удары кулаками и угроза оказаться без глаз не могли заставить расцепить захват, а вот иррациональный страх перед убийством едва все не испортил. К счастью, вспомнилось, что таким захватом можно вырубить человека, не убивая. Так что дождавшись, когда тюремщик обмякнет, я еще чуть подержал его и отпустил.

Стресс наполнил все мои мышцы слабостью, и бесчувственную тушу удалось спихнуть с себя, лишь напрягая все силы. Я тут же прижал пальцы к шее своего оппонента в этой странной борьбе и с облегчением почувствовал слабое биение пульса.

— Ты что там делаешь, каменноголовой! — зашипел бородач. — Выпусти меня. Ключи у него на поясе.

Действительно, чего это я торможу?

Была, конечно, мысль что в колодках может оказаться какой-то маньяк, но я от нее быстро отмахнулся — ситуация явно не та.

На поясе толстяка находилась изрядная связка ключей. Благо замок на колодке был небольшим, а на связке имелись лишь три ключа нужного размера.

Через десять секунд бородач со стоном разогнулся, заставив меня удивленно крикнуть — мой новый товарищ оказался карликом. Ростом он был мне по плечо, и, если учитывать мой средний рост, это как-то маловато. В голове конечно же мелькнула мысль о гномах, но она была мгновенно загнана туда же, где находились паника, надежда и ощущение чужого тела. Подобных ощущений, мыслей и эмоций там скопилось немало, так что игнорировать странности окружающего мира было все сложнее, но пока удавалось. Особенно этому помогали другие обстоятельства. Например, такие, как следующие действия коротышки.

Недолго думая он подошел к бесчувственному тюремщику и, выдернув кинжал из его поясных ножен, вогнал клинок в едва вздымающуюся грудь. Тело толстяка задергалось в агонии.

— Ты что творишь, придурок?!

Окружающий мир утратил очередную грань реалистичности — не каждый день на моих глазах живого человека режут как свинью.

— Очнись, человек, это тальгиец, для них мы уже мертвые, так что единственный шанс выжить — это резать их, пока есть возможность.

И тут до меня дошло еще кое-что. Ведь когда я, не думая о последствиях, бросился на спину толстяку, узник мог повести себя разумнее, и этот нож проделал бы дырку не в тюремщике, а во мне. Так что лучше уж пусть он, чем я.

Пока я пребывал в потрясении, коротышка обобрал с тела все, что только можно, и быстро вышел из клетки. Одежду толстяка он снимать не стал, хотя сам был одет аналогично мне — то есть в одну набедренную повязку.

Я невольно двинулся за ним и вышел в центральную часть помещения. Мы оказались между двумя камерами. И только теперь мне удалось рассмотреть, что вторая отгороженная решеткой часть трюма также не пустовала.

Все, теперь точно, здравствуй, шиза. Непосредственная опасность чуть отступила, и накопившиеся вопросы вместе с паникой навалились на мой бедный мозг — триггером стал вид прикованных к полу и стене зеленокожих здоровяков. Виртуальные шестеренки в голове провернулись на сто восемьдесят градусов, и их немедленно заклинило. Все вокруг обрело иной смысл. Бородач оказался гномом, а в соседней камере находи-

лись орки. Хотя, если честно, кроме зеленоватой кожи и изрядного роста, они мало чем отличались от людей.

Я либо в сказку попал, либо в дурку. Увы, второй вариант отпадал — об этом говорили синяки и боль от ударов паникующего толстяка.

Заметив мое чрезмерное внимание, один из здоровяков злобно оскалился, добавляя к списку странностей звериные клыки. В закрытом состоянии губы орка вполне скрывали такую особенность.

— Это орки? — Как ни странно, мозг очень быстро подобрал нужное слово в чужом языке.

— Нет, это дикие, — машинально ответил гном, но я его уже не слушал.

Реальность обрушилась на меня подобно снежной лавине. Я с пугающей ясностью понял, что покинул не только родной мир, но и собственное тело. Новое телосложение не особо отличалось от старого, да и воспринималось мозгом как вполне привычное, но ведь и мозг у меня тоже, судя по всему, не мой!

— Что здесь происходит! — заорал я, хотя уже понимал, что поступаю тупо.

Гном тут же сбил меня с ног. Навалившись сверху, бородач поднес острое все еще испачканного кровью кинжала к моему горлу.

— Не заставляй меня вскрывать тебе глотку, человек. Но если твой вопль выдаст нас, я это сделаю.

А жить-то, оказывается, очень хочется, даже в чужом теле. Какие бы сильные чувства ни обуревали человека, но, если возникает угроза жизни, инстинкт самосохранения работает как швейцарские часы.

В голове что-то шелкнуло, и я моментально принял происходящее со мной, пройдя процесс психологической адаптации, так сказать, по ускоренной программе.

— Слезь с меня! — прорычал я на гнома, отпихивая его подальше. — Давай лучше найдем тебе топор.

— Зачем? — вдруг напрягся мой собеседник.

— В смысле — зачем? Ты же гном, значит, должен хорошо драться секирой.

— Ничего подобного! Давай лучше поищем меч для тебя, ты же человек, вот и пробьемся.

— Я не умею управляться с мечом.

— А я — с топором.

А это уже проблема. Ну вот почему именно мне попался какой-то неправильный гном? Квадратная фигура, накачанные мышцы, но, как выяснилось, толку от этого благолепия нет никакого.

Так, успокоились! Проблемы будем решать по мере их поступления. И для начала нужно хоть как-то одеться, а то торчим здесь в подгузниках, как два неформала. Хотя и это не самое важное. Думай, Смирный, думай! Ладно, подойдем к проблеме с другой стороны. Мой мозг, едва ли не пошелкивая, начинал выходить на нормальную мощность.

— Может, выпустим их? — ткнул я пальцем в сторону орков, которых гном почему-то назвал какими-то дикими.

— Они же дикие! — От праведного возмущения гном даже покраснел, но все равно старался говорить шепотом.

— И что?

— А ты не знаешь?

— Не знаю! — таким же кричащим шепотом заявил я, замечая, что уже практически не напрягаюсь, подбирая нужные слова.

— Они полностью неуправляемы и слушаются, только если дадут свою дикую клятву.

— Так давай возьмем с них эту клятву.

— У тебя есть серебро? Ими почитается только клятва наемника, и просто так дикие ее не дают.

— У тебя есть, — ткнул я пальцем в зажатый в кулаке гнома кошель, который он экспроприировал у надсмотрщика.

— Не смешно, этого хватит только на пару кружек пива.

— А вот сейчас мы узнаем, смешно или не очень, — подмигнул я нахмурившемуся гному.

С помощью точки опоры Архимед обещал перевернуть мир, а имея такую платформу, как ставший традиционной клятвой наемнический договор, я выверну мозги этих ребят наизнанку.

— Они меня хоть поймут? — чуть подумав, спросил я у гнома.

— Вроде да. Говорят, что своего языка у них нет, а от тальгийского они отказались из ненависти. Так что лет сто, как разговаривают на доракском, — сказал гном, передавая мне кошелек покойного надсмотрщика.

Ревизия кошелька показала, что у меня восемь затертых коричнево-серых монет.

— Быстро рассказывай, что знаешь об этой клятве.

Гном, услышав какой-то шум на палубе, испуганно застыл, а затем быстро затараторил:

— Так, дикие спускаются с гор и нанимаются в войска до-ракцев или риварцев. К тальгийцам, которые их создали, не идут по вполне понятным причинам...

— Дальше, — перебил я гнома, осознавая, что уже висевший в воздухе вопрос о том, как тальгийцы создали диких, не очень своевременный, как и тот, почему зеленокожие не хотят общаться со своими создателями.

— В общем, старшие диких договариваются и за себя и за своих младших, нанимаясь на год. Этот год они полностью подчиняются нанимателю, но только в том, что не противоречит заветам их предков, а таких заветов у них, как пиявок в пещерном озере. Половину платы они получают сразу и половину — в конце года.

— Плата фиксированная?

— Нет, как договорятся, но восьми медных драггов не хватит, даже будь ты самим Шагро.

Уточнять нет времени, но, судя по недавним репликам гнома, этот Шагро — очень озорной и хитрый парень, умеющий хорошо торговаться. Я торговаться не умею вообще, точнее, не люблю. Но зато у меня отсутствуют социальные шоры — мол, есть некто, кого точно нельзя убедить. Убедить можно любого, даже самого твердолобого, особенно имея такие убойные доводы, как у меня в данной ситуации.

Отмахнувшись от гномьего брюзжания, я пошел вдоль решетки, вглядываясь в чуть зеленоватые лица здоровяков, различимые в слабом свете трех подвесных ламп.

Первые три взгляда встретили меня откровенной злобой. В четвертом эта злоба соединилась с тупостью, а вот пятый дикий взглянул на меня с любопытством. Шестого я осмотрел мельком. У испещренного шрамами здоровяка не хватало кисти на левой руке, и этот факт явно загнал мужика в глубокую депрессию.

— Меня зовут Илья Смирный, — обратился я к самому любопытному, произнеся имя по-русски, а вот прозвище перевел на местный язык. — Как твое имя?

Мой выбор оказался удачен. Любопытный фыркнул, но все же ответил:

— Мое имя Бегущий Лось. Я старший, со мной — три руки младших, утром это было так.

Я с вопросом посмотрел на гнома, который тут же продемонстрировал растопыренную пятерню.

Понятно. Так, теперь переходим к торговле, и начинаем мы с самой большой цены:

— Жить хочешь?

— С позором — не хочу, — вскинулся Лось.

Ладно, зайдем с другой стороны.

— А к жрецам Хра хочешь? — Понятия не имею, кто этот Хра, но зеленого проняло до печенок.

— Не хочу, никто не хочет потерять душу.

Так, теперь осторожно, потому что взгляд Лося постепенно становился таким же злобным и туповатым, как у его товарищей.

— Лось, что ценнее — золото или душа? О жизни такому гордому и смелому воину я даже говорить не буду.

— Ты сказал глупость, человек.

Может быть, но нужная мысль в его сознании уже зародилась, а теперь стоит поторопиться. Гном что-то услышал и начал на цыпочках подбираться к лестнице наверх.

— Смотри, Лось. — Я выудил из кошелька одну медную монету. — Ты бы отдал всего одну медяшку, чтобы выкупить свою жизнь, душу и свободу?

В моем предложении не было особой логики, потому что монета принадлежала мне, как и ключи от камеры, но важнее было продемонстрировать неравноценность обмена.

— Глупый вопрос, — упрямо мотнул головой дикий, но мне было видно, что он все понял и уже согласился.

— Гном, ключи, — прошипел я прильнувшему к лестнице коротышке.

— Меня зовут Турбо, — вернул мне тот яростное шипение.

— Как? — На секунду я подвис от удивления.

Это не гном, а мешок с сюрпризами. Да только пока они в лучшем случае юморные, а в худшем — нелепые и бесполезные. Хорошо хоть неопасные.

— Турбо, — повторил гном и тут же вспыхнул, услышав, как я нервно хохотнул. — Ты чё скалишься?

— Извини, просто ты произнес очень славное имя, при этом стоя в одной набедренной повязке, да и вообще ситуация нервная.

Гном успокоился, но по-прежнему сохранял подозрительный вид.

— Как там насчет ключей? — вернулся я к проигнорированной просьбе.

Турбо нашел нужный ключ молниеносно, и уже через пару секунд я стоял рядом с Лосем. Остальные дикие отреагировали на открытие двери не совсем адекватно. Меня встретил звериный рык, вытаращенные глаза и вздувшиеся мышцы под зеленоватой кожей. Теперь я с одинаковой искренностью был благодарен таинственным тальгийцам и за отсутствие цепей на мне, и за надежную фиксацию диких. Они сидели спиной к стене и были к ней же прикованы кандалами за запястья и широкими стальными поясами — за талию. К тому же ноги у щиколоток прикрепили к полу. Зеленокожим оставалось только дергаться и злобно рычать.

Подойдя к Лосю, я присел на корточки, чтобы наши взгляды были на одном уровне.

— Смотри, Лось, — вновь продемонстрировал я монетку. — У меня есть медный драгг, за который ты и твои младшие могут выкупить свою душу, жизнь и свободу. А я могу тебе дать эту монету в обмен на клятву служить мне ровно один год. Что скажешь?

— Хитрый человек хочет обмануть тебя, Лось! — прорычал один из пленников.

— Конечно, — моментально согласился я, не оборачиваясь на голос, — но монетка, за которую ты можешь откупить свою душу, жизнь и свободу, а также души, жизни и свободу своих младших, здесь сейчас стоит дороже, чем большая куча серебра.

Заветные три слова я повторял, вколачивая их в мозг Бегущего Лося как гвозди.

Есть — выражение глаз дикого изменилось на долю секунды, но этого было достаточно:

— Я, Бегущий Лось, старший племени Черной скалы, даю клятву Небесного Орла человеку Илье Смирному на один год за две монеты меди.

Я немного напрягся, потому что монет у меня только восемь, но вспомнил, что вперед дается лишь половина платы. Думаю, за год мне все же удастся разбогатеть еще на парочку медяков.

Лось выжидающе посмотрел на меня.

Ладно, будем угадывать:

— Я, Илья Смирный, принимаю клятву Небесного Орла от Бегущего Лося из племени Черной скалы и от его младших на один год за две медные монеты.

Судя по выражению на лице моего собеседника и ропоту диких, отзыв оказался верным.

— Турбо, выпускай Лося.

— Ты уверен? — с сомнением глядя на улыбку дикого, больше похожую на звериный оскал, спросил гном.

— У тебя есть другие предложения? Мало ли что творится на палубе.

— Ладно, — вздохнул гном, звеня ключами. — Но если он нас убьет, виноват будешь ты.

— Можешь на меня в суд подать, — фыркнул я.

— Чего? — переспросил занятый работой гном, но ответить я не успел.

Лось встал на ноги, и оказалось, что наша троица представляет собой пропорциональную лесенку — гном был по плечо мне, а моя макушка доставала лишь до плеча дикого.

Лось глухо зарычал, разминая натертые кисти, и вдруг резко придвинувшись ко мне, рыкнул прямо в лицо:

— Приказывай, вождь.

Вот ведь скотина такая!

Мне только чудом удалось сохранить самообладание, а вот гном за моей спиной испуганно икнул.

— Так, Лось... — начал я, но тут же уточнил: — Тебя можно называть просто Лосем?

— Можно, — совершенно серьезно кивнул дикий.

— Чудесно. Сейчас мы с Турбо отойдем, а ты пообщаешься со своими товарищами. Потом я вернусь, и тот, кто принесет мне клятву, пойдет душить тальгийцев.

— Остальных ты оставишь здесь? — хмуро спросил Лось.

— Если мы не умрем в бою, то отпустим всех без клятвы, как это делают благородные воины, освобождая слабых — женщин, стариков и детей, — совершенно серьезно произнес я, переходя на простейшие подначки для самых тупых.

С Лосем такой прием вряд ли сработает, а вот остальные были из другого теста, хотя крайний в ряду и самый мелкий из зеленых после наших с Лосем переговоров стал смотреть по-другому. Судя по всему, именно его долго уговаривать не придется.

Пару минут мы с гномом посидели у лестницы, одним ухом прислушиваясь к звукам на палубе, а другим пытаюсь разобрать гул переговоров диких.

— Вождь, мы поговорили, — тихо позвал меня Лось.

— Ну и что решили воины?

— Тихий Гром и Утес согласились. Высокий Куст тоже согласен, но он и так мой младший, — указал Лось на низенького дикого, который был немногим выше меня.

Интересно, одного из товарищей Лось назвал без второй части имени. Судя по эпическим размерам Утеса, это вряд ли от пренебрежения. Также было любопытно, что низенький Высокий Куст почему-то оказался в компании старших. Тут же в моей голове возник вопрос насчет младших:

— А где остальные младшие?

— Сидят на веслах, — недовольно проворчал Лось. — Молодые и глупые, так что колдуны смогли их зачаровать.

— А вас не смогли?

В ответ Лось только презрительно фыркнул.

Еще один плюсик Кусту, который, несмотря на юный возраст, сумел устоять против ментальной магии.

Магия, колдуны?! Эти мысли еще раз разворошили улей загнанных в подсознание вопросов.

Отставить! Все обдумаю позже. Ну, вот я уже сам с собой разговариваю. Мало того, сам себе приказы отдаю. Впрочем, раздвоение личности на данный момент не самая печальная перспектива.

Процедура принесения клятвы повторилась еще трижды. Гном шел следом за мной, открывая замки на кандалах.

Ох, ну и здоровым же оказался этот Утес! Встав на ноги, огромный дикий вынужден был сильно наклонить голову, чтобы не упереться в потолок.

В оковах теперь осталось только двое зеленокожих — тот, во взгляде которого я ранее заметил предельную концентрацию смеси ярости и тупости, и его покалеченный сородич.

— Что будем делать, вождь? — спросил Лось.

Вот засада. Все, включая гнома, с ожиданием уставились на меня.

Ешкины матрешки, и кто из нас воин?! Ладно, в такой ситуации — как во время учебы езде на велосипеде: главное не задумываться о своих слабостях и недостатках, а двигаться вперед,

не останавливаясь, иначе упадешь. Невозможное делают только те, кто не знает, что это невозможно.

— Кто из вас может тихо двигаться и подкрадываться?

— Высокий Куст, — практически с обвинением указал на младшего Лось. — Он охотник, а мы воины и скрываться не привыкли.

Да уж, это вам не индейцы. Ох, чувствую, и намучаюсь я с ними. Хотя лучше иметь за спиной этих ребят, чем бродить по чужому миру только в компании неправильного гнома, который и драться-то не умеет.

— Куст, сейчас выбираемся на палубу и осматриваемся, а там будем решать. Остальные — ждете здесь. Если услышите шум драки, бегите на помощь, но только если действительно будет шум.

Размещенный под углом к палубе люк открывался с оглушительным скрипом, по крайней мере, мне так показалось.

Морской воздух ворвался в легкие подобно урагану. Даже голова закружилась. Всегда любил море, хотя был там только однажды, в детстве. Вот и сбылась мечта идиота.

Выбравшись на палубу в подсвеченную только звездами ночь, мы каждую секунду ждали оклика постовых. Но сравнив скрип дверей со звуками, которые издавала оснастка, я немного успокоился.

Взгляд из открытого люка ничего мне не дал. Не видно ни зги.

— Куст, глянь-ка, может, ты хоть что-то увидишь, — прошептал я, отступая вниз по лестнице.

Дикий повторил мой маневр, при этом зачем-то понюхав воздух. Затем он на несколько секунд приник ухом к палубе. После этого дикий перешел к пантомиме. Сначала он показал два пальца и махнул в сторону кормы, а затем один палец с указанием на правый борт.

Нет, этот Куст мне определенно нравится все больше и больше.

Решение было простым. Сначала мы отправились к правому борту.

Я толком и не рассмотрел никого, когда рядом послышался хрип и треск шейных позвонков. Подойдя ближе, я увидел лежащее у борта тело, и что самое главное — рядом с телом валялись арбалет и чехол с короткими болтами.

Ну вот, это уже другое дело. Оружие было примитивным и взводилось поясным крюком. У меня это получилось сделать просто руками — тетива больше напоминала канат, чем стальной трос.

Психологический эффект оружия в руках описан еще в незапамятные времена, и сейчас я на практике убедился в мудрости предков. Решение грядущих проблем уже не казалось невозможным, а всего лишь запредельно сложным.

— Двигаемся к корме, — шепнул я дикому, перекидывая ремень колчана через голову.

Один из двух оставшихся на палубе тарийцев скрывался во тьме внизу кормовой надстройки, а второй торчал на невысокой надстройке у румпеля и был хорошо виден в свете кормовой лампы. Именно его я и взял на прицел арбалета, дав Кусту возможность заняться вторым. Как ни странно, теперь сомнений насчет убийства не было вообще — защита жизни напарника важнее какой-то там рефлексии. И все же уверенности в том, что попаду, не было ни на йоту.

К счастью, все прошло благополучно, хотя и не так, как планировалось. Услышав шум внизу, рулевой заглянул за ограждение надстройки и даже окликнул напарника, который должен был быть под ним. Но, до того как мне удалось нажать на рычаг арбалета, вверх к перилам рванула смутная тень, вцепившись в склонившегося человека. Затем они оба сползли в густую тень.

Судя по отсутствию шума, у Куста все получилось быстро и четко. Через пару секунд он появился рядом со мной, сжимая в руке еще один арбалет.

— Молодец, оставь его себе.

— Мы не умеем стрелять, — вдруг заявил Куст.

— В смысле — не умеете?

— Ни один дикий не умеет стрелять ни из этой штуки, ни из лука. Копье бросить можем, а вот выстрелить не получается.

— А ты пробовал?

— Сотню раз.

— И? — совершенно ошарашенно спросил я.

— Попал три раза.

Да уж — загадка природы, решать ее сейчас мы точно не будем.

— Так, все потом. Ты уверен, что других постовых нет?

— Надо смотреть.

— Тогда аккуратно пройдишь по палубе, а я вернусь обратно.

Куст беззвучно исчез в темноте, а мне почти ползком пришлось добираться до люка в трюм. Меня не покидало ощущение, что все происходит неправильно и это запредельное везение долго не продлится.

Уже подползая к люку, я услышал громкое бормотание.

— Надо идти в бой, — прогудел незнакомый мне тяжелый бас.

— Вождь сказал ждать здесь. — Голос Лося я запомнил.

— Твой вождь уже подох.

— Он и твой вождь на целый год.

— Он нас обманул!

Так, у нас, кажется, бунт на корабле.

— Ты хочешь нарушить клятву Небесного Орла? — прорычал Лось, и перепалка мгновенно стихла.

Вон оно как! Стоит запомнить — клятва для этих парней не просто руководство к действию, а жесткая догма.

— Вы чего разорались? — прошипел я на диких, нырнув в открытый люк.

Так как никто не спешил отвечать на в общем-то риторический вопрос, я продолжил:

— Кто из вас хоть что-то знает об этом корабле?

Дикие по-прежнему молчали, но тут неожиданно подал голос гном:

— Ну я знаю, таскали меня убирать и даже пытались заставить делать ремонт в трюме.

— Понятно, плотник из тебя наверняка никакой, ты же больше по железу, — забросил я информационную удочку, хотя догадывался, какой именно получу ответ.

— Ну не сказал бы, что по железу...

— А ты вообще гном или кто? — Бесполезность коротышки меня начала бесить. — Секиру в руки не берешь, мастер из тебя никакой. А что ты вообще умеешь?

— Не твое дело, — нахохлился гном. — Мы будем выбираться отсюда?

— Будем, но сначала нужно вытаскивать младших. Ты знаешь, где они сидят?

— На гребной палубе.

— Значит, сейчас поведешь нас туда.

— Не получится. — Раздавшийся из темноты голос Куста заставил меня вздрогнуть.

— Почему?

— Там на входе пять человек охраны, а ниже переговариваются несколько надсмотрщиков. Если начнется драка, получится много шума.

— Значит, постарайтесь придержать остальных, пока освобождаем младших.

Неожиданно все затихли.

Увидев, что мое недоумение начинает переходить в злость, гном заговорил:

— Илья, как ты собираешься биться с магами? В каютах для команды три мага, как минимум один из них — боевой. Он повернет нас, как проржавевшую кольчугу.

— А что ты предлагаешь?

— Прыгать за борт. Берег близко.

— Ты что, умеешь плавать? — удивился я.

— Представь себе, — ехидно улыбнулся гном.

Это уже ни в какие ворота не лезет — нестандартность гнома усугублялась с каждой секундой.

Ошарашенный новой проблемой, я серьезно задумался. Дикие смотрели на меня с надеждой, а гном — с раздражением.

— Турбо, что ты знаешь о том, как работают маги?

— Ты с ума сошел?! — психанул гном. — У нас нет на это времени!

— Значит, отвечай быстро.

— Да не знаю я! Они сначала машут руками, что-то бормочут, а потом как шарахнут огненным шаром или молнией, да так, что мало не покажется.

— То есть чтобы запустить заклинание, им нужно подготовиться и сконцентрироваться?

— Да уж, по щелчку пальцев они этого не делают.

В моей голове начал формироваться план, и якорем для него стало воспоминание о пожаре, в который я попал пару лет назад. Самым ярким в этом не таком уж опасном «приключении» были мучительные потуги хоть немного подышать в задымленном помещении. Дым рвал легкие, и ни о чем другом, кроме глотка свежего воздуха, я и думать не мог. Осталось только проверить, смогут ли маги в таких условиях сконцентрироваться.

— Так, — повернулся я к диким. — Собирайте все рвань, включая свои набедренные повязки, и несите светильники. Турбо, как поступает воздух в каюты экипажа?

— Через палубные люки, — не задумываясь, ответил гном.

— Сколько их?

— Понятия не имею, я не участвовал в строительстве этого корыта, просто видел один люк, когда драил палубу. Еще было слышно, как внизу переговариваются эти сволочи.

— Хорошо, действуем по обстановке. Так, парни. Сейчас поджигаем все рвань и даем ему чуток прогореть, а затем кидаем в воздушные люки. Если будет что-то подходящее под рукой, накрываем этим люки и переходим ко второй части плана. Лось и Гром отправятся к выходу на палубу и попробуют разобраться со стражниками, Турбо идет с вами и быстро открывает замки на кандалах, у него это хорошо получается. А я и Утес пробуем остановить экипаж. Турбо, сколько выходов с каютной палубы?

— Два, — поняв мою ошибку, ехидно заявил гном и, мстительно выждав паузу, добавил: — Но вторым не пользуются. Там все забито разным хламом. Разбирать придется очень долго.

— Ну вот и чудесно, — сам не понимая чему, обрадовался я. Вся затея была насквозь авантюрной и безумной, да и моя активность держалась только на дикой дозе адреналина в крови. — Давайте начинать.

За время нашего отсутствия на палубе ничего не изменилось. Быстро пробежавшись вдоль всего корабля, мы нашли пять вентиляционных люков, два из которых явно выходили на палубу с каютами экипажа. Затолкав туда ворох тлеющего рванья, мы накрыли решетки специальными щитами, которые, похоже, были предназначены для использования в шторм.

Основная часть нашего отряда метнулась к выходу из гребной палубы, а я застыл за штабелем ящиков, выцеливая выход с палубной секции для экипажа. Гора мышц с очень подходящим именем Утес с треском отломила от такелажа изрядный кусок дерева и, махнув для пробы этой импровизированной дубинкой, застыла напротив ведущего под палубу входа.

Дым начал валить из всех щелей буквально за пару секунд до того, как со стороны выхода с гребной палубы донеслись звуки боя. Через десять секунд они стихли, зато началась суета на палубе для экипажа.

Послышались крики и разрывающий легкие кашель. Внезапно палубу метрах в пяти от меня пробил небольшой шар огня и врезался в мачту. В месте попадания от дерева осталась только зола, и мачта начала печально заваливаться набок. Следом за первым шаром полетел второй, но на этот раз он прошел

под острым углом и, пробив палубу, врезался в фальшборт. Эффект тот же.

Если так пойдет и дальше, эти полудурки организуют из корабля братскую могилу, или как оно там должно называться в случае массового утопления. И вообще, как они умудряются воевать на море с такими могучими атакующими возможностями и такой хлипкой защитой?

Данный казус наверняка был очень важен для моего выживания в этом мире, но ситуация явно не подходила для вдумчивого анализа. В клубах дыма, валившего из спуска под палубу, появилось красное свечение.

На одних инстинктах и повинувшись наитию, я нажал на рычаг, пуская болт в это свечение, и через мгновение под палубой сильно полыхнуло, изрядно потряхнув корабль. И первые фаерболы, и взрыв под палубой вызвали у меня глубокую ненависть к магии, замешанную на страхе. Ну не принимало мое нутро всю эту колдовскую муть, а инстинкт самосохранения бился в паническом припадке. Даже прочитанные фантастические книги и просмотренные фильмы не помогли. Одно дело — ознакомиться с плодами чьей-то неумемной фантазии, и совсем другое — столкнуться с этим в реальности.

К счастью, Утес не заморачивался размышлениями, поэтому ломанувшихся из дыма кашляющих людей встретила вращающаяся как пропеллер дубина.

А еще меньше чем через минуту к огромному дикому подошла подмога в лице постоянно увеличивающейся толпы родичей.

Я облегченно вздохнул, прислонившись спиной к каким-то ящикам. И тут справа от меня возник квадрат света с человеческим силуэтом посередине.

Ведь знал же, что и в нашем мире капитанская каюта находится отдельно от экипажа, но все равно прошляпил, в основном потому, что у кормовой надстройки не было окон на палубу.

Теперь я использовал арбалет вполне осознанно. Хоть расстояние и было мизерным, но чтобы попасть из незнакомого оружия, все же требовалась некая доля везения. Мне повезло, а вот моему сопернику — нет. Не привыкшие к темноте глаза не позволили капитану вовремя среагировать на угрозу, и через секунду в его горло воткнулся болт.

И вот тут меня начало трясти по-настоящему. На подгибающихся ногах я добрался до ввалившегося внутрь каюты тела и тупо уставился на булькающего собственной кровью и сучащего ногами человека. Через казавшуюся бесконечной минуту он наконец-то затих.

Ну вот, Илюша, ты и стал убийцей. Кем бы ни были мои предки, воспитывался я совсем в другом обществе. Так что налет цивилизации оказался неожиданно толстым.

Подрагивающие руки с трудом закрыли дверь, пряча меня от окружающего мира. В голове почему-то застряла только одна мысль — дикие не должны видеть то, что сейчас произойдет.

А произошла вполне закономерная вещь — меня вырвало.

Ну вот и где эта холодная ярость, когда она так нужна?

Как ни странно, это не самое приятное действие подарило облегчение, причем не только физическое, но и психологическое. Я прекрасно понимал, что желудок взбунтовался не от вида мертвого человека, просто это стало отсечкой для сброса накопившегося напряжения. Голова начала работать намного эффективнее. Даже стало легче дышать.

Висевшее на стене небольшое зеркало манило меня как магнит, но в то же время пугало до икоты. Глубоко вздохнув, я взгляделся в стеклянную поверхность. В зеркале отразилось не мое лицо. Мир вновь моментально встал с ног на голову. Каждая клеточка этого тела была чужой и невыносимо отвратительной. Меня начало трясти как в лихорадке, а паника грозила перейти в безумие.

Сквозь шум в голове и рой панических мыслей донесся стук в дверь.

— Вождь, — кричал Лось, пытаясь выломать массивную преграду, — у нас проблемы!

Уверен, начни он с вопроса о моей безопасности, паника все же шагнула бы за черту безумия, но дикий напомнил мне о взятых на себя обязанностях. Человеческий разум — большая загадка. Именно чувство долга стало тем якорем, который позволил мне окончательно зацепиться за этот мир.

Паника схлынула, и, чтобы окончательно расставить все по своим местам, я еще раз взглянул в зеркало. Не скажу, что раньше был уродом, но эта морда чуть посимпатичнее. Крупные черты простоватого славянина, которые иногда помогали мне ввести в заблуждение особо хитропопых, сменились тонкими

чертами с претензией на породу. Тело тоже не особо отличалось, разве что было немного подтянутей. Нужно будет поддерживать и даже улучшить эту форму. Работа головой не всегда хорошо сказывается на фигуре, но что-то подсказывало, что моя новая жизнь не даст мне сильно расслабляться.

— Вождь! — вновь проорал Лось, и от следующего удара дверь все же упала внутрь.

Лучший способ бороться со стрессом — нагрузить голову до предела, чтобы не было времени на рефлекссию и дурные мысли.

Что же, займемся загрузкой.

— Не ори. Говори толком. Младших освободили?

— Да.

— Что с врагами?

— Кто выскочил — прикончили, остальные задохнулись. Есть еще с десяток моряков, но они забаррикадировались в маленьком трюме на носу и боятся даже высунуться.

— Ну и зачем тогда орать о проблемах?

— Так ведь тонем, — ошарашил меня Лось.

— Это проблема, — тут же согласился я.

Психологическое напряжение ослабло, и реальность наконец-то прорвалась сквозь все барьеры.

Только теперь до меня дошло, что мы с диким, мягко говоря, не совсем одеты. Истинное дитя природы этот нюанс, похоже, совсем не смущал, а вот мне было неприятно. Тем более что в сравнении мое новое тело сильно проигрывало дикому по всем статьям.

— Я сейчас. Позови гнома.

Быстрая ревизия вещей капитана принесла мне похожие на казацкие шаровары штаны и длинную рубаху. Мягкие сапожки завершили наряд, давая мне возможность почувствовать себя человеком. За острые железки я пока не хватался, как и за арбалет, хватило приключений на корабле и полного понимания, что запас везения наверняка закончился. К тому же таскать примитивное оружие было попросту неудобно.

— Зачем звал? — ввалился в каюту гном, но, увидев мой новый наряд, тоже полез в сундук с одеждой.

Увы, шаровары были только одни, а узкие брюки на гнома не налезали.

— Отдай, — нахмурился гном.

— И не подумаю.

— Ладно, мы еще об этом поговорим, — без особой злобы фыркнул гном и продолжил рыться в сундуке.

Через пару секунд он выудил оттуда просторный халат. Расшитый золотом наряд, увы, не придал гному солидности, но, по крайней мере, прикрыл наготу.

— Лось сказал, что мы тонем, — с ходу озадачил я гнома.

— Ерунда, успеем добраться до берега.

— А как тут вычерпывают воду?

— Зачем? Или ты решил сделать из толпы диких и одного гнома умелых моряков? — фыркнул Турбо.

— Не, ты точно ненормальный гном, — искренне изумился я. — А как потом добычу из воды доставать?

— Да, — почесав маковку, согласился гном. — Не подумал. Но в трюме жажнуло знатно, так что льет там уже сильно, замаемся дергать насосы.

— Турбо, очнись, у нас дармовой рабочей силы — полна палуба, причем все здоровые как быки.

— И то правда.

Похоже, у гнома начался откат после потрясения, сильно снизивший его умственные способности.

— Так, веди к насосам, — приказным тоном заявил я.

Турбо рванул на палубу, путаясь в полах халата.

— Вождь, там эти, что закрылись, грозятся убить мага, — озадачил меня подбежавший Куст.

— Ну и пусть убивают.

— Так это пленный маг.

— Даже так? — задумался я. — Ладно, пойдем послушаем этих террористов.

У выхода из новой секции трюма собралась группа диких. Если старшие хоть как-то напоминали людей, то младшие вели себя как стадо горилл. Они издавали рычание и рывками обозначали попытки кинуться внутрь люка и поубивать там всех, но крики Лося и минимальные зачатки здравого смысла сдерживали зеленокожую молодежь.

Куда я вляпался, и как управлять этим стадом?

— Выпустите нас или мы порежем мага! — послышался из люка охрипший голос «террориста», явно произнесшего эту фразу уже раз десять. Несмотря на то, что язык, на котором я лихо общался последние несколько часов, был мне абсолютно чужим, в речи таинственного оратора все равно удавалось уловить некий акцент.

— А нам-то какая разница? — спросил я, стараясь не подставиться под выстрел из темного прохода.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ДИКИЕ	5
Часть вторая. КОРОЛЕВСКИЕ НАЕМНИКИ	148